

*Имена*

# СОБСТВЕННЫЕ В ФРАЗЕОЛОГИИ

НАДЕЖДА  
СОКОЛОВА



16+

**Надежда Игоревна Соколова**  
**Имена собственные**  
**в фразеологии**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=40177033](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40177033)*

*SelfPub; 2021*

**Аннотация**

В данной книге автор исследует происхождение пословиц, поговорок, фразеологизмов, в чьем составе присутствуют различные имена собственные. Предпочтение делается русским и английским единицам.

# Содержание

Введение	4
Личное имя собственное как единица лексики	7
Сопоставление личного имени собственного и имени нарицательного	10
История русских личных собственных имён	14
Философия имени	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# Надежда Соколова

## Имена собственные в фразеологии

### Введение

Использование личных имён в составе русской и английской фразеологии вызывает определенный исследовательский интерес. Почему говорится: «Куда *Макар* телят не гонял», а не *Пётр*, или *Иван*? Почему некоторые имена имеют в составе устойчивых сочетаний положительную или отрицательную эмоционально-оценочную окраску? С чем связана широта употребления во фразеологии одних имён и узость – других?

Как отдельная лингвистическая проблема рассматривается сегодня сосуществование в семантике фразеологизмов лингвистических и экстралингвистических компонентов, обуславливающих культурологическую значимость фразеологических единиц.

В.Н.Телия в статье «Первоочередные задачи и методологические проблемы» выделяет три основных постулата, которые «в явной или неявной форме присутствуют в исследовании культурно-национальной самобытности фразеоло-

гического состава языка»:

(1) «большинство единиц фразеологического состава обладает культурно-национальным своеобразием»;

(2) «в коллективной подсознательной памяти носителей языка сохраняется *интертекстуальная связь фразеологизмов с тем или иным кодом культуры*, что проявляется в способности носителей языка к *культурной референции*, которая оставляет свой след в *культурной коннотации*, играющей роль «звена», обеспечивающего диалогическое взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры»;

(3) «воспроизводимость фразеологических знаков способствует межпоколенной *трансляции культурно-значимых установок* и тем самым – *формированию в процессах овладения и употребления языка культурного самосознания как отдельной личности, так и культурно-национальной идентичности народа – носителя языка*» [Телия 1990: 14 – курсив авторский – Н. С.].

Одним из важных факторов, обеспечивающих наличие культурологического компонента в семантике фразеологических единиц, оказывается включённость в их состав лексем, обладающих таким компонентом. Личные имена собственные, несомненно, входят в круг таких слов.

Работа ориентирована на этнолингвистическое и этнокультурологическое исследование фразеологического материала. В.Н. Телия так определяет эти два вида анализа: «Этнолингвистическая ориентация исследования и описа-

ния нацелена преимущественно на исторически реконструктивный план выявления культурных пластов в формировании фразеологизмов. Лингвокультурологический анализ ставит перед собой цель изучения способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как «остов» его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов... этнолингвистическое и лингвокультурологическое направления стремятся раскрыть средства и способы проникновения «языка» культуры во фразеологические знаки естественного языка и формы презентации ими культурно значимой информации... В центре интересов лингвокультурологии – исследование и описание взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой презентации. Эта синхронная ориентация существенно отличает её от этнолингвистики», чьи задачи «сводятся к реконструкции по данным языка отражения в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений и «переживаний» в их диахроническом движении, дающем богатейший материал для сопоставления культур... этнических сообществ» [Там же, с. 14-16].

# Личное имя собственное как единица лексики

Наука об именах собственных называется ономастикой. Этот термин связан с греческим словом онома – «имя». Н.В.Подольская так определяет имя собственное: «собственное имя... – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1990: 473-474].

Приведённая дефиниция имени собственного даёт представление об онимах как языковых единицах, имеющих идентифицирующую функцию. Но, кроме этой функции, онимы «обладают коннотативным компонентом значения – фоновой информацией культурного и исторического характера, а также экспрессивностью, отражающей субъективное отношение автора текста или говорящего к содержанию или ситуации речи» [Супрун 2000].

В настоящее время ономастика вызывает к себе усиленный интерес со стороны учёных-филологов. Например, В. И. Супрун считает, что «вопрос об ономастической составляющей национальной картины мира, как и анализ места имён собственных в разных типах дискурсов, является перспективным направлением исследования» [Там же].

При рассмотрении онимов как отдельного класса слов

можно выделить следующие два основных критерия их обособления в особую область лексики:

а) собственно ониматический (назывательный) критерий – при этом имеется в виду способность онимов называть единичные и уникальные объекты, например: Лондон, Сена, Лувр, Блок;

б) понятийный критерий, согласно которому, «в отличие от других слов собственное имя не связано непосредственно с понятием; оно вторично по отношению к апеллятиву; основное значение собственного имени заключено в его связи с денотатом» [Подольская 1990].

Но выделение таких критериев может подвергаться критике, так как логичнее «говорить о формировании у имён собственных особых, культурологических понятий: они становятся знаками культуры, а знак, как известно, двусторонен и, следовательно, содержателен» [Кондрашова].

Имена собственные, включаясь в лексическую систему, тоже являются системными. Эти системы, посвящённые изучению отдельных разрядов таких имён, имеют свои собственные названия. В лингвистической литературе выделяются следующие группы собственных имён: топонимы – названия географических объектов; зоонимы – клички животных; астронимы – названия отдельных небесных тел; селенонимы – географические названия Луны; прагматонимы – названия товарных знаков; идеонимы – названия научных и художественных произведений; эргонимы – названия раз-

личных предприятий, учреждений, фирм; фалеронимы – названия наград, орденов, премий; реалионимы – имена существовавших или существующих объектов; мифонимы – имена вымышленных объектов и т.д. Имена людей относятся к ведению антропонимики (от греч. антропос – «человек»).

## **Сопоставление личного имени собственного и имени нарицательного**

В научной среде нет определённых критериев, которые помогли бы квалифицировать то или иное слово как имя собственное (оним) или имя нарицательное (апеллятив).

Некоторые учёные считают, что основным отличием онима от апеллятива следует считать «его (онима – Н. С.) неспособность в общих случаях к обобщению, типизации предметов, а также возможность накопления ими культурологической семантики и формирования понятий особенного типа – концептов» [Кондрашова].

Существует и другое мнение, согласно которому основная характеристика онима – это «отсутствие чётких коннотаций, отсутствие связи с понятием» [Суперанская 1978: 8].

Или же говорят, что «основополагающим при разграничении ИС (имя собственное – Н. С.) принято считать наличие денотативного значения и отсутствие сигнификата у ИС. В тексте, в предложении по своим функциям ИС сближается с действительными словами. Имена собственные называют также словами, лишёнными понятийного содержания на уровне высказывания» [Нерознак 1978: 85].

Онимы возникают при появлении у апеллятива особой

назывательной функции. Однако не каждый апеллатив способен стать онимом. Только приобретя «способность» к выделению предмета, называя «единичный, уникальный предмет во всей совокупности отличительных его признаков», [Кондрашова] апеллатив переходит в оним.

Но возможен и обратный процесс: «Переходя в язык как систему знаков, имя собственное должно обрести некоторую долю интеллектуальной информации, которая бы позволила установить его связь с логико-предметными рядами, без чего оно не может функционировать в системе. Такая информация имеется, например, у имён всемирно известных объектов, что делает возможным включение их в сообщение на правах семантически значимых, а не только номинативных слов...

Указанное насыщение имени собственного интеллектуальной информацией приводит к его постепенной апеллативации. Ср. различного рода переносные употребления собственных имён: Афины Нового Света – Бостон (центр литературной и общественной жизни), Немецкая Флоренция – Дрезден (город дворцов и музеев)...или полное превращение собственного имени в нарицательное: академия – первоначально название одного из афинских садов, где обучал Платон, лицей – ранее название сада в Афинах, где обучал Аристотель.

При полном превращении имени собственного в нарицательное получают омонимичные апеллатив и онома, из ко-

торого он развился, при этом, если денотат остаётся актуальным, имя его продолжает употребляться в ряду собственных, ср. Бордо – город во Франции, «Бордо» – сорт вина, бордо – цвет...» [Суперанская: 1978, 7-8].

В большинстве своём превращения имени собственного в имя нарицательное, и наоборот, не слишком часты, так как подобные превращения – довольно длительный процесс.

Личные имена и фамилии в большинстве своём относятся к бытовой лексике. Но они могут проникать и в такие области знаний, как литература, история, социология, демография, медицина и др. Известны случаи «переноса антропонимов в астрономическую номенклатуру: туманность Андромеды, комета Морхауза, туманность волосы Вероники» [Там же, 17].

Некоторые антропонимы включаются в состав номенов и терминов различных наук: таблица Менделеева, теорема Пифагора, закон Ньютона...

Антропонимы «становятся словообразовательными основами и ряда других номенклатур. Например, названия философских направлений и обозначения средневековых философских школ нередко базировались на именах основателей того или иного направления: томисты в честь Фомы Аквинского..., скотисты в честь Дунса Скота, доминиканцы, францисканцы, августинцы...» [Там же, 20].

Таким образом, личные имена собственные (они́мы) представляют собой структурно-семантические группы

внутри собственных имён и отличаются от имён нарицательных следующими признаками:

неспособностью к обобщению и типизации предметов;

возможностью накопления онимами культурологической семантики и формирования понятий особого типа – концептов;

отсутствием чётких коннотаций и связи с понятием;

наличием денотативного значения и отсутствием сигнификата;

лишением понятийного содержания на уровне высказывания;

«способностью» к выделению предмета.

# История русских личных собственных имён

Авторы книги «О русских именах», А. В. Сулова и А. В. Суперанская, считают, что «имена людей – часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты» [Сулова, Суперанская: 1991, 3]

Имена личные имели все люди во все времена во всех цивилизациях.

Имена у каждого народа связаны не только с его культурой, но и с развитием производительных сил. Для того чтобы какое-нибудь имя появилось у данного народа, необходимы определённые культурно-исторические условия. Поэтому многие имена несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи.

Любое слово, которым именовали человека, окружающие начинали воспринимать как его личное имя, и, следовательно, любое слово могло стать именем.

Таким образом, личное имя – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нём с другими.

Роль личного имени в жизни человека очень велика. Каждого человека можно назвать не иначе как по имени, поэто-

му все его хорошие или плохие поступки делаются достоянием гласности. Отсюда возможность переносного употребления слова *имя*. Говорят: *у него доброе имя* или: *не позорь моего имени* и т.д., имея в виду: *он хороший человек*, или *не позорь меня*.

История имени собственного как отдельной лингвистической категории насчитывает несколько столетий.

Многие учёные (напр., А. В. Сулова, А. В. Суперанская) выделяют в истории русских личных имён три этапа: «дохристианский, когда использовались самобытные имена, созданные на восточнославянской почве средствами древнерусского языка; период после введения христианства на Руси, когда церковь стала насаждать вместе с христианскими религиозными обрядами иноязычные имена, заимствованные византийской церковью от разных народов древности; и новый этап, начавшийся после Великой Октябрьской социалистической революции и ознаменовавшийся проникновением в русский именослов большого числа заимствованных имён и активным имятворчеством» [Сулова, Суперанская: 1991, 41].

Те же авторы дают довольно подробную характеристику каждому из периодов. О первом периоде они говорят: «До введения на Руси христианства личные имена были очень похожи на прозвания, данные по тому или иному поводу. В древности люди воспринимали имена материально, как неотъемлемую часть человека. Они скрывали свои имена от

врагов, считая, что одного знания имени достаточно для того, чтобы навредить кому-нибудь» [Там же, 42]. Имена делились по следующим категориям:

а) имена, представляющие числовой ряд: *Перва, Вторак, Третьяк, Четвертуня* и т. д.;

б) имена, данные по цвету волос и кожи: *Черныш, Чернавка, Бел, Белуха* и т. д.;

в) имена присваивались и по другим признакам – росту, особенностям телосложения: *Сухой, Толстой, Малюта, Беспалой, Голова, Заяц, Лобан* и т. д.;

г) имена, присваивающиеся в зависимости от характера и поведения ребёнка: *Бессон, Булгак* (беспокойный), *Забава, Истома, Молчан, Смеяна, Неулыба, Смирной* и т. д.;

д) в некоторых именах отмечались желанность или нежеланность появления ребёнка в семье и другие обстоятельства его рождения: *Богдан, Бажен* (желанный, милый), *Голуба, Любим, Ждан, Нечай, Милава, Поздей, Любава, Хотен* и т. д.;

е) некоторые имена давались по времени рождения ребёнка: *Вешняк, Зима, Мороз* и т. д.;

«Были и другого порядка имена, восходящие к древним поверьям. Это «плохие» имена, которые якобы способны были отвращать злых духов, болезни, смерть: *Горяин, Немил, Нелюба, Неустрой, Злоба, Тугарин* (туга – печаль)» [Там же, 43-44].

Описывая второй период, авторы утверждают: «Христи-

анизации населения Руси и обязательно при этом обряде крещения сопутствовало наречение людей новыми христианскими личными именами, перечни которых были переданы византийской христианской церковью с религиозными обрядами. Попали они в древнерусский язык не в переводах, а в подлинных иноязычных звучаниях, абсолютно непонятных и чуждых для русских людей... На протяжении XII, XIII, XIV веков шёл процесс ассимиляции иноязычных имён... Постепенно иноязычные имена стали привычными, своими для русских людей» [Там же, 49,52]. Наиболее распространёнными в это время были следующие имена: *Гавриил, Георгий, Пётр, Иосиф* и др.

О третьем этапе написано следующее: «Третий этап развития русских имён, продолжающийся и в наши дни, начался со времени опубликования декрета Советских Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот декрет положил начало свободному выбору личных имён родителями и объявил законной гражданскую регистрацию рождений вместо церковного крещения. С этого времени в русский именной ряд вошли многие иноязычные имена – *Жанна, Инесса, Эдуард, Тимур* и другие, а также новые русские имена, возникшие в годы революционной ломки старого уклада жизни, многих традиционных представлений» (*Владлен, Интерна, Искра, Коммунар*) [Там же, 62].

# Философия имени

Люди издавна пытались понять назначение и функцию слов в языке. Словам приписывали божественное происхождение и окружали ореолом таинственности. Особенно человечество интересовал вопрос о существовании в языке имён собственных. Эта проблема особенно активно обсуждалась философами.

Разграничение имён собственных и нарицательных ведётся ещё от стоиков (3 в. до н.э.). Позже, в европейской философии об именах писал в своих «Опытах» Мишель Монтень.

В русской философии эта проблема начала активно обсуждаться в к. 19 – нач. 20 в. «Всякое познание, – утверждал С.Н. Булгаков, – есть именование, а предикат, идея, срастаясь с субъектом, с подлежащим, даёт имя. Таково происхождение всех вообще именованний и имён. При этом сращение это может быть более тесным и постоянным или же временным и преходящим; в зависимости от этого мы различаем так называемые «собственные» и «нарицательные» имена» [Булгаков 1999: 234]. Булгаков считал, что одно и то же имя в своём генезисе может быть и нарицательным, «как возникающее от нарицания (именования)», и собственным, «если оно пристаёт к своему носителю как постоянный его предикат, так что носитель его именуется этим предикатом» [Там же, 234]. Любое имя имеет смысл, объяснял фи-

лософ, и этот смысл составляет то, что Булгаков назвал внутренней формой имени. Но со временем эта форма может «побледнеть» в своём значении и будет употребляться как имя собственное. Основным критерием различия собственного и нарицательного имён философ считал «бессмысленность, отсутствие внутренней формы, так сказать, алгебраический характер» имени собственного [Там же, 235]. Но если наполнить это же имя содержанием, придать ему внутреннюю форму, то оно превратится в нарицательное (напр., Хлестаков и хлестаковщина). Это происходит потому, что «сгусток слова расплавляется и переплавляется, получает новую жизнь» [Там же, 235].

Вопрос об отличии собственных и нарицательных имён Булгаков делил на два подвопроса: «о природе самого имени и природе его носителя» [Там же, 235]. Рассматривая первый подвопрос, он писал, что «всякое имя в своём возникновении есть слово, то есть, смысл, идея, содержание; бессмысленных и бессодержательных имён в их генезисе не существует... Собственное имя в строгом смысле... не есть даже слово, как не есть слово алгебраический знак: оно стоит на самой грани слова, есть слово только по звуковой оболочке» [Там же, 235-236].

Раздумывая над вторым подвопросом, Булгаков утверждал, что имя «абсолютно индивидуально: так как оно ничего не выражает, есть конкретное указательное местоимение или же указательный жест, то и его именование есть

акт чистейшего произвола, который не может быть обобщён, распространён за пределы данного случая. Именем... может быть любой звук, но он должен быть в своём роде единственным и единичным» [Там же, 236].

По мнению философа, в любом именовании кроется некий творческий акт: «До наречения имени субъект не то что индифферентен по отношению к имени или же враждебен к нему, анонимен, но только аморфен, потенциален, причём эта потенциальность, способность получить имя и смутное влечение к имени сама собой предполагает отсутствие определённого имени. Это значит, что человек, как существо родовое, как *всечеловек*, имеет в потенции *все* имена и может быть назван любимым» [Там же, 238].

Кроме С.Н. Булгакова о философии имени писали А.Ф. Лосев («Философия имени»), П. Флоренский и другие.

В силу специфики работы нам кажется необходимым процитировать мысли П. Флоренского по поводу влияния имени на УНТ. «Какой бы род народной словесности мы ни взяли, – пишет философ, – непременно встретимся с типологией личных имён. Определённым именам в народной словесности соответствуют в различных произведениях одни и те же типы, одни и те же не только в смысле психологического склада и нравственного характера, но и в смысле жизненной судьбы и линии поведения. Это значит: в народном сознании именем определяются не только отдельные признаки или черты, порознь взятые..., но и... мгновенное со-

отношение элементов личности... Пословицы и поговорки об именах, нередко едкие и убийственно верные,... отмечают такие признаки. Порою эти летучие произведения... связаны внутренней рифмой, и тогда можно подумать о *фонетической* природе их сопоставлений... но... в самом созвучии открывается внутренняя необходимость, а рифма – предустановлена в своём смысле... Смысл предустанавливает рифму, а рифма намекает на единство смысла» [Флоренский 1999: 184-185].

Из изложенного выше материала видно, что проблема личного имени и именованя всегда интересовала философов, вызывала споры и противоречия в их среде, не давая прийти к единому мнению.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.